

1

— Да! — с жаром согласилась Лидия Ивановна.

— Нам не хватает ни больше ни меньше, как звка...

— Осторожно! — шепнула Лидия Ивановна.

Прошел Глинка.
Прошел Никитин.
Прошла Шурова-Потапова.
Прошли Удальцов и Нехлебов.
Пробежала Бондаренко. Она всегда вприпрыжку.

— ...как эвкалиптовых рощ, — заключил Богаткин, иронически глядя сквозь очки вслед Бондаренко.

Прошел Кутузов.

За ним — Арутюнов, Харкевич и Жданов. Бежала назад Бондаренко.

— Богаткин, не видели Усова?

— Он болен.

— Знал, когда заболеть! — злилась, убегая, Бондаренко.

Кутузов тоже воротился и задал несущественный вопрос.

— Цылят по осени считают! — иронически ответил Богаткин.

— Вас погубит ваша ирония, — шепнула Лидия Ивановна, когда Кутузов отошел.

— Надоели они мне все, — шепнул ей в ответ Богаткин.

2

Будучи человеком военным, муж Лидии Ивановны, подполковник Сайтанов, часто уезжал маневрировать и маневрировал нестерпимо долго, так что Лидия Ивановна встречала его с отчаяньем в голосе: «Сегодня как назло нельзя!» — и ни о чем не расспрашивала, хотя по отможенным ушам, или авоське с кокосовыми орехами, или по трофейной вазочке из дивного хрусталя она смутно догадывалась... но ни о чем не спрашивала.

Раз подполковник вернулся веселый, загорелый, с простреленной щекой. В кровати при свете ночника он показал Лидии Ивановне таинственный орден, одну часть которого полагается носить на шее, а другую — на жилете.

3

Летом Москва катастрофически глупеет. Она становится глупее Тулы, и Астрахани, и даже жены Богаткина Киры Васильевны, бабы совсем уж вздорной.

Кира Васильевна сказала своей школьной подруге, что у ее мужа похож на дирижабль. Но хорошо ли это или плохо, оскорбительно ли сравнение для Богаткина или оно оскорбительно для старомодного воздухоплавательного аппарата, которого теперь не встретишь ни в небе, ни в спущенном виде, — понять из ее слов было невозможно.

4

Исторической ошибкой Петра, обошедшейся России в миллионы человеческих жизней, явившейся причиной последующих неурядиц, неурожаев, мятежей и повальной пьянства, нанесшей непоправимые удары по русской национальной физиономии (носы раскрасились),

Виктор ЕРОФЕЕВ

Роман

рассказ в 8-ми главах

считал Богаткин триумфальное покорение финских болот, отвратительное совокупление с фригидным Севером. Ну что ему стоило, этому императору, пройти, зажавши нос, по помету татарской степи и, выйдя к теплому морю, заложить там — назло голландцам — субтропическую столицу, утопающую в мандариновых садах, богатстве и творческой неге! Жаркое сердце столицы согрело бы Новгород и Кострому, Читу и белорусов, мордву и Сахалин. Но когда вместо сердца февральский сквозняк... э, да что там говорить!...

— Я, наверное, вас утомил разговором, — спохватился Богаткин.

Они сидели на уединенной скамейке в Парке культуры. Поодаль с воем проносились снаряды заграничных аттракционов.

— Ну что вы, Юрий Тарасович! Я вам признаюсь, что вы самый умный человек из всех, кого я встретила в жизни.

— Я пригласил бы вас в кино, — сконфузился Богаткин, — но в кино хамство, дурацкие комментарии, спертый воздух, заплывающий пол. Билетов нет ни на сегодня, ни на завтра. Нужен блат, связи, наборы шоколадных конфет. С кафе то же самое...

— Тише! — вскрикнула Лидия Ивановна.

Непонятно откуда взявшись, мимо них прошли Арутюнов, Харкевич и Жданов. В воздухе пахло лещом и пивом.

— Засекли, — сказала Лидия Ивановна.

— Сволочи, — сказал Богаткин.

— Я сильнее, чем вы думаете, — посмотрела ему в глаза Лидия Ивановна.

— Я думаю о вас хорошо, — заверил ее Богаткин.

— Если бы вы вместо ваших очков носили пенсне, то, извините, вы бы были похожи — знаете, на кого? — на Чехова!

— Может быть, я и есть Чехов, — загадочно улыбнулся Юрий Тарасович.

5

— Есть колбаса, сыр, яйца, земляничное варенье, бутылка чачи... Да! Как я могла забыть! — лицо Лидии Ивановны исказил неподдельный ужас. — Есть кусок холодной телятины!

— Я вовсе не голоден, — мягко сказал Юрий Тарасович. — Вот если бы чайку...

— Чайник сейчас закипит. А к чаю? Земляничное варенье будете? — Страшная горечь отразилась на лице Лидии Ивановны. — Правда, оно прошлогоднее...

— Я не любитель сладкого.

— Тогда рюмочку чачи. Я тоже за компанию...

— Нет, лучше чаю.

— И чаю, и чачи... Она, правда... — судорога испуга пробежала по лицу Лидии Ивановны, — с запахом.

Богаткин сидит в мягком кресле. Вокруг чистота, цветы в горшках, горит люстра. И ни следа подполковника. Кажется, в общей сложности три комнаты.

— А может быть, вы кофейник? — вдруг встрепетнулась Лидия Ивановна. — То есть я имею в виду... люди делятся на чайников и кофейников.

— Я — чайник! — объявил Богаткин.

Лидия Ивановна поставила Моцарта. Пластика шипела.

— Должна вам сказать, — сказала Лидия Ивановна, кусая губы, — что я глубоко несчастный человек.

Богаткин понимающе кивал головой. Прошло минут пять. Он все кивал и кивал. Передав, сказал почти с восхищением:

— Моя жена, Кира Васильевна, — фантастическая дура!

— Не надо так, Юра, — сказала Лидия Ивановна.

Они помолчали, прислушиваясь к Моцарту.

— И все-таки в жизни есть Моцарт, цветы и даже... — Лидия Ивановна вдруг рассмеялась несчастным смехом, — представьте себе, любовь.

При слове любовь Богаткин встал, не зная, что делать с руками. Лидия Ивановна застонала и кинулась к Моцарту:

— Не те обороты!

6

Подполковник Сайтанов сидел в кресле, повесив на ручки кресла голые ноги, обутые в офицерские сапоги.

— Это же прямо слов таких не сыщешь! — трепетала перед ним совершенно голая Кира Васильевна, на шее которой болтался пышный лисий воротник с осклабившейся мордой. — Я даже теряюсь, с кем сравнить? с кабачком? торпедой? дирижаблем?

— Пусть будет дирижабль... — рассудил подполковник Сайтанов и ласково шлепнул Киру Васильевну дирижаблем по носу.

7

— Что??? — вылипилась блеклая блондинка с черными корешками волос, приподнимая тяжелое сорокапятiletнее тело из горячей ванны.

— Иначе не получится, — печально сказал Юрий Тарасович, сидя в ванне напротив нее. — Ты соображаешь, что ты мне предлагаешь?!

Вода капала с обвислых сосков.

— Но иначе...

— Что значит иначе? Ты сказал: там холодно. Ладно. Хотя, Юра, там, в постели, было тепло. Пошли сюда. Здесь Африка!!! Я первый раз в жизни сижу с мужчиной в одной ванне. Ты сказал, что любишь меня...

— Сказал.

— Можно ли любить женщину, Юра, и предлагать ей такую вещь? Я не знаю, почему я тебя не волную... Мой муж, допустим, мужик и подонок, но я ничего подобного от него не слышала... Это же, Юра, пойми меня правильно — зверство. Как ты мог такое предложить мне, Юра?

— Прости, — сказал Богаткин.

— И ты своей жене тоже такое предлагаешь?

— Она сама просит, — честно ответил Богаткин.

Озадаченная, Лидия Ивановна снова погрузилась в воду.

— Чудовищно... — пробормотала она. — А мы всегда в темноте, совестись... Мой муж вообще человек стыдливый, на пляже стесняется переодеться. Ходит, ищет кусты погуще...

— Монах, — засмеялся Богаткин.

— Нет, в этом смысле он чистый человек... Ты себе не представляешь, как ты меня унижил!

Она заплакала.

— Ты меня любишь?

Богаткин помедлил с ответом.

— Почему ты молчишь?

Богаткин молчал.

— Юра, ты меня любишь?

— Прости, — сказал Богаткин. — Я тебя не люблю.

Лидия Ивановна перестала плакать.

— Уходи. Немедленно, — сказала она мертвым голосом.

Богаткин с шумом встал из воды, пряча стыд в горсти, как детскую соску-пустышку.

8

Проскакал с песней подполковник Сайтанов.

Прошел Федот Губернаторов, положительный персонаж моего романа.

Прошли Шверник и Шварцман.

Прошел и Глинка. Коварный тип.

Промчалась Бондаренко. метнула на ходу: — Усова не видели?

Прошла Сайтанова с припухшими железами.

— Ну что, вставил ей? — спросил Арутюнов, все еще пахнущий лещом и пивом.

— Вставил, — сказал Богаткин.

— Ну и как? — поинтересовался миниатюрный Харкевич.

— Кричала, — сказал Богаткин.

— Это хорошо, — одобрил Арутюнов.

— А где ваш друг Жданов? — спросил Богаткин.

— Отравился, — ответили Харкевич и Арутюнов.

Прошел отравившийся Жданов.

Богаткин оглушительно чихнул.

«Любопытная вещь, — подумал Богаткин, сморкаясь. — С виду Лидия Ивановна такая интеллигентная, такая деликатная женщина, а в... у нее растут густые черные волосы...»
— Парадокс, — прошептал Богаткин. Он был простужен и меланхоличен.

Рис. Ирины ШИПОВСКОЙ